

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.057-067

А. В. Латынцев*

Принципы биоэтики как нетрадиционные источники права интеллектуальной собственности

Аннотация. В последние годы, по мере интенсивного развития и распространения биотехнологий, всё больше дискуссий ведется о необходимости конкретизации и учета принципов биоэтики для регламентации различных правоотношений, в том числе выходящих за традиционные сферы, такие как надзор и контроль за биологическими исследованиями. Отдельного внимания заслуживают положения ч. IV Гражданского кодекса РФ, посвященные запретам патентования и иной государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали. Однако данные принципы в законодательстве не определены. Более того, складывается уникальная правовая конструкция, когда нормы «мягкого» права и добровольные правила могут стать источником запретительных мер, в частности лишения права на получение патента. В развитие точки зрения А. А. Мохова и Ю. Д. Сергеева о необходимости рассмотрения принципов биоэтики как нетрадиционных источников медицинского права автором предложено учитывать данные принципы так же как нетрадиционные источники гражданского права, в частности права интеллектуальной собственности. Отдельно рассмотрен дискуссионный вопрос об установлении исключений из объектов патентных прав в условиях слабой взаимосвязи патентных правоотношений и запретов на осуществление определенных видов деятельности. Доказано, в частности, что предусмотренные в ч. 4 ст. 1349 ГК РФ ограничения патентуемости призваны стать дополнительным препятствием для использования гражданских прав в нарушение основ нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц. При этом обоснован вывод, что исключения из объектов патентных прав в патентном законодательстве не могут и не должны подменять нормы специального законодательства, посвященные регламентации запретов определенных видов деятельности и запретов манипуляций с определенными объектами.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности; биоэтика; принципы биоэтики; общественные интересы; принципы гуманности и морали; непатентоспособность; непатентуемость; источники права; интеллектуальная собственность; запреты патентования; патенты.

Для цитирования: Латынцев А. В. Принципы биоэтики как нетрадиционные источники права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 57–67. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.057-067.

© Латынцев А. В., 2024

* Латынцев Александр Викторович, кандидат юридических наук, директор Научно-исследовательского института правовых экспертиз и комплексных исследований
Героев Панфиловцев ул., д. 9, корп. 3, г. Москва, Российская Федерация, 125480
info@niilex.ru

Principles of Bioethics as Unconventional Sources of Intellectual Property Law

Alexander V. Latyntsev, Cand. Sci. (Law), Director of the Research Institute of Legal Expertise and Integrated Research, Moscow, Russian Federation
info@niilex.ru

Abstract. In recent years, with the intensive development and spread of biotechnology, there has been more and more discussion about the need to define and apply the principles of bioethics to regulate various legal relations, including the relations that go beyond traditional areas, such as supervision and control of biological research. The provisions of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation prohibit patenting and state registration of the results of intellectual activity contradicting public interests; the principles of humanity and morality deserve special attention. However, these principles are not defined in the legislation. Moreover, a unique legal structure is emerging when soft law and voluntary rules can become a source of prohibitive measures, in particular, deprivation of the right to obtain a patent. In the development of the point of view of A. A. Mokhov and Yu. D. Sergeev regarding the need to consider the principles of bioethics as non-traditional sources of medical law, the author proposed to take into account these principles as non-traditional sources of civil law, in particular intellectual property law. The establishment of exceptions to the objects of patent rights in the context of a weak relationship between patent legal relations and prohibitions applied to certain types of activities need to be discussed separately. It has been proven, that the restrictions on patentability provided for in Part 4 of Article 1349 of the Civil Code of the Russian Federation are intended to become an additional obstacle to the use of civil law in violation of the foundations of morality, health, rights and interests of other persons. At the same time, the conclusion is justified that exceptions to the objects of patent rights in patent legislation cannot and should not replace the norms of specific legislation devoted to the regulation of prohibitions of certain types of activities and prohibitions of manipulations with certain objects.

Keywords: results of intellectual activity; bioethics; principles of bioethics; public interest; principles of humanity and morality; non-patentability; sources of law; intellectual property; prohibitions of patenting; patents.

Cite as: Latyntsev AV. Principles of Bioethics as Unconventional Sources of Intellectual Property Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):57-67. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.057-067

Актуальность конкретизации и учета принципов биоэтики в праве интеллектуальной собственности

В Гражданском кодексе РФ не используются термины «этика» или «биоэтика», применение которых в связи с бурным развитием науки (в частности, биотехнологий) получает в последние десятилетия широкое развитие в специальных нормативных актах, в частности связанных со сферой охраны здоровья. Российское гражданское законодательство применяет близкие по смыслу дефиниции «мораль» и «гуманность».

Гражданский кодекс РФ рассматривает моральные нормы в основном в контексте возмещения морального вреда, а принципы гуманности упоминаются в ст. 137 в части недопустимости противоречия им при обращении с животными.

Особняком стоят положения части IV ГК РФ, закрепляющие:

- запрет на патентование результатов интеллектуальной деятельности, противоречащих, в частности, принципам гуманности и морали (ч. 4 ст. 1349);
- требование о том, что наименование селекционного достижения не должно, в частности, противоречить принципам гуманности и морали (ч. 2 ст. 1419);
- запрет на включение в фирменное наименование юридического лица обозначений, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали (п. 5 ч. 4 ст. 1473);
- запрет государственной регистрации в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам,

принципам гуманности и морали (п. 2 ч. 3 ст. 1483).

При этом нужно отметить, что не содержат требования о соблюдении этических требований, принципов гуманности и морали, в частности, Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» и Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», что можно признать существенным пробелом в отечественном законодательстве.

Законодательные требования к соблюдению норм научной этики установлены только для членов Российской академии наук в п. 5 ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 27.09.2013 № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что представляется недостаточным для правовой регламентации учета этических принципов в научной среде, в первую очередь в сферах, влияющих на охрану здоровья и охрану окружающей среды.

Таким образом, в отсутствие общего запрета на научную или творческую деятельность, противоречащую принципам гуманности и морали (за некоторыми исключениями), в указанных выше нормах ч. IV ГК РФ установлены запреты, в частности, на государственную регистрацию результатов интеллектуальной деятельности, противоречащих данным принципам.

При этом сами принципы гуманности и морали в законодательстве не систематизированы и не унифицированы. Более того, во многих случаях они содержатся в нормах «мягкого» права или ненормативных добровольных правилах, например, профессиональных сообществ.

Таким образом, складывается уникальная правовая конструкция, при которой нормы «мягкого» права и добровольные правила могут стать источником запретительных мер, в частности лишения права на получение патента.

В этой ситуации требуются не только правила конкретизации принципов биоэтики, подлежащих учету в праве, в том числе в праве интеллектуальной собственности, но и детальная проработка правовых механизмов их учета.

Понятийный аппарат и эволюция биоэтики

В отсутствие законодательного закрепления рассматриваемых терминов обратимся к их определениям в энциклопедических словарях:

Гуманность — любовь, внимание к человеку, уважение к человеческой личности; доброе отношение ко всему живому¹.

Мораль (от лат. *moralis* — нравственный) — это нравственность, особая форма общественного сознания и вид общественных отношений (моральные отношения); один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм. В отличие от простого обычая или традиции, нравственные нормы получают идейное обоснование в виде идеалов добра и зла, должного, справедливости и т.п. *Мораль изучается специальной философской дисциплиной — этикой*².

Этика — учение о морали, ее значении, принципах, нормах и роли в обществе, а также совокупность норм поведения, мораль какой-либо общественной группы, профессии³. Частью этики является биоэтика, которая обычно определяется по предметному признаку — профессии, профессиональной деятельности⁴.

Таким образом, *принципы гуманности и морали в сфере охраны здоровья неразрывно связаны с принципами биоэтики*.

¹ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия ; СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 2002.

² Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1989. С. 744.

⁴ Сергеев Ю. Д., Мохов А. А. Биоэтика — нетрадиционный источник медицинского права // Медицинское право. 2007. № 2. С. 3–9.

Принципы этики принято разделять по профессиональным, общественным сферам. Соответственно, первоначально биоэтика рассматривалась в контексте деятельности врачей и иных медицинских работников. Например, в научной литературе еще пару десятилетий назад можно встретить следующее определение: биоэтика — это научная дисциплина и сфера практической деятельности по неформальной регуляции отношений в области медицинского обслуживания⁵.

В последние годы в круг областей, изучаемых биоэтикой, постоянно расширяется. В него российские эксперты включают этические вопросы как минимум в следующих областях:

- касающихся жизни и смерти, в том числе эвтаназия, репродуктивные технологии, статус эмбрионов, аборт, суррогатное материнство, пренатальная диагностика;
- трансплантология;
- научные исследования, влияющие на охрану здоровья, окружающей среды, биобезопасность и т.п.;
- новые технологии (генная инженерия, клонирование и др.);
- оказание медицинской помощи и иные вопросы здравоохранения;
- биобанки и др.⁶

Биоэтические принципы всё больше становятся межотраслевыми.

Один из родоначальников биоэтики как научной дисциплины Ван Ренселлер Поттер в 1971 г. писал, что биоэтика, по сути, это учение о выживании, а ее главной задачей является формирование рационального поведения человека в условиях меняющегося мира⁷.

Развитие биотехнологий и иных инструментов воздействия на человека и природу ставит на повестку дня вопрос об ответственности человека перед человечеством⁸.

По мнению О. Ю. Рыбакова, будучи областью междисциплинарного научного знания, биоэтика интегрирует научные разработки в сфере медицины, биологии, биотехнологий на основе единого аксиологического основания: достоинства человека и его нравственного, духовного благополучия. Вопросы индивидуальной ответственности и общественной морали есть базовые ориентиры биотехно-научного развития⁹.

Л. В. Чхутиашвили обращает внимание, что становление биоэтики как науки было вызвано необходимостью выработки этических норм для человеческой деятельности, основанных на ценности человека, его жизни и здоровья¹⁰.

Таким образом, развитие биоэтики не может не учитываться при совершенствовании законодательства в современных реалиях, но требует учета специфики ее аспектов.

О возможности квалификации принципов биоэтики в качестве нетрадиционных источников права интеллектуальной собственности

По справедливому утверждению С. А. Синицына, вопрос о соотношении права и биоэтики имеет особое значение и не может ассоциироваться с каучуковыми нормами и с неопределенностью правового регулирования¹¹.

Как отмечают И. А. Кравец, И. О. Крылатова и М. А. Болков, сплав морали и права как

⁵ Седова Н. Н. Правовой статус биоэтики в современной России // Медицинское право. 2005. № 1. С. 12.

⁶ Нешатаева В. О. Международно-правовое регулирование биоэтики // Права человека и биомедицина. 2017. № 11. С. 45–57 ; Правовая охрана результатов генетических исследований как объектов интеллектуальных прав : монография / Л. А. Новоселова, А. С. Ворожевич, Е. В. Домовская [и др.]. М. : Проспект, 2022.

⁷ Potter V. R. Bioethics: Bridge to the Future. Englewood Cliffs (New Jersey) : Prentice-Hall, 1971.

⁸ Правовая охрана результатов генетических исследований как объектов интеллектуальных прав. С. 13.

⁹ Биоэтика в развитии: нравственно-философский стержень и правовая поддержка : монография / отв. ред. В. М. Артемов, О. В. Рыбаков. М. : Проспект, 2022. С. 18.

¹⁰ Биоэтика в развитии: нравственно-философский стержень и правовая поддержка. С. 54.

¹¹ Синицын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 351.

социальных регуляторов (дополняющих друг друга), взаимоотношения между биологической и социальной природой человека и пределами его вмешательства становятся сущностной основой понимания природы биоэтических принципов. При этом принципы биоэтики в правовом пространстве являются одной из сложнейших категорий, так как посредством них происходит попытка фиксации общепризнанных, общечеловеческих ценностных моральных норм¹².

По мнению Е. Е. Богданова, в чрезвычайно болезненной и сложной области биоэтики перед правом стоит задача урегулирования нравственных проблем, вызванных развитием медицинской науки, активно вторгающейся в жизнь человека, и, как следствие, обеспечения охраны субъективных прав граждан. Именно в области биоэтики встречается значительное количество примеров конфликтов прав и интересов, подлежащих разрешению посредством установления их баланса¹³.

На антропологические риски биотехнологического конструирования человека обращает внимание Д. С. Ксенофонтова, отмечая, что внедрение любой научной идеи, в том числе в сфере генной терапии, сопряжено с определением социальных условий, в которых данной идее предстоит реализовываться¹⁴.

В своих научных трудах Ю. Д. Сергеев и А. А. Мохов аргументированно доказали, что нормы биоэтики можно рассматривать как нетрадиционные источники медицинского права¹⁵.

Однако по мере интенсивного развития биотехнологий данная научная сфера, а также близкие области научных исследований и практического применения разрабатываемых ими реше-

ний всё больше приковывают к себе внимание с позиции необходимости более широкого учета принципов биоэтики при их правовом регулировании.

Необходимо рассматривать этические нормы, в том числе нормы биоэтики, не только с узкопрофессиональной точки зрения или как источники медицинского права, но и как *нетрадиционные источники гражданского права, в том числе права интеллектуальной собственности*.

Именно в данном контексте представляется возможным и целесообразным учитывать принципы гуманности и морали при конкретизации предусмотренных в п. 4 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ исключений из объектов патентных прав.

Несмотря на обозначенные выше пробелы в правовом регулировании исследуемой сферы, установление в перечисленных выше статьях ГК РФ запретов с отсылкой к принципам гуманности и морали является необходимым дополнительным сдерживающим фактором, в том числе для коммерциализации противоречащих данным принципам результатов интеллектуальной деятельности, но отсутствие систематизации данных принципов и синхронизации связанных с ними правовых требований порождает правовую неопределенность.

Как отмечает С. А. Сеницын, запретительная функция в правомочии на защиту представляет собой гибкий инструмент, применение которого требует соблюдения баланса интересов патентообладателя и общества¹⁶.

По мнению Ю. В. Виниченко, использование законодателем в отношении отдельных категорий термина «принцип» должно свидетельствовать о выделении таких понятий из общего

¹² Кравец И. А., Крылатова И. Ю., Болков М. А. Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484.

¹³ Богданова Е. Е. Защита интересов граждан при конфликте их личных неимущественных прав // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 78.

¹⁴ Ксенофонтова Д. С. Правовые основы генной терапии: в поисках баланса интересов // Lex russica. 2019. № 6. С. 143–152.

¹⁵ Сергеев Ю. Д., Мохов А. А. Биоэтика — нетрадиционный источник медицинского права // Медицинское право. 2007. № 2. С. 3–9.

¹⁶ Сеницын С. А. Указ. соч. С. 57.

ряда, стремлении подчеркнуть их значимость. При этом необходимым условием реализации регулятивной функции юридического принципа является не просто его упоминание в законодательстве, а такое его легальное оформление, при котором он сформулирован в качестве нормы общего характера¹⁷.

Таким образом, по мере эволюционирования правового регулирования и развития науки можно ожидать постепенный переход принципов биоэтики из сферы «мягкого» права в традиционные правовые нормы.

Разграничение «непатентоспособности» и «непатентуемости»

Отдельно представляется целесообразным разграничить термины «непатентоспособность» и «непатентуемость», с учетом, в частности, эволюции правового регулирования рассматриваемых правоотношений.

Ранее часть 3 ст. 4 Патентного закона Российской Федерации от 23.09.1992 № 3517-1 (в редакции, действовавшей до 10 марта 2003 г.) решения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали, не признавала патентоспособными изобретениями. Подобный образом часть 2 ст. 6 Патентного закона РФ не признавала патентоспособными промышленными образцами решения изделий, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали.

С 11 марта 2003 г. Федеральным законом от 07.02.2003 № 22-ФЗ были внесены изменения в Патентный закон РФ. Для промышленных образцов (ч. 2 ст. 6) рассматриваемый запрет был сохранен. Для изобретений же было указано, что данные решения не признаются патентоспособными только в смысле положений данного закона (ч. 3 ст. 4). Наконец, часть 2 ст. 5 Патентного закона РФ была дополнена положениями, согласно которым не предоставляется правовая охрана в качестве полезной модели решениям,

противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Важно отметить, что описанные запреты на патентование были разнесены по разным статьям Патентного закона РФ, посвященным условиям патентоспособности перечисленных результатов интеллектуальной деятельности. При этом, как указано выше, в отношении изобретений, полезных моделей и промышленных образцов применялись разные законодательные формулировки для установления запрета на их патентование в случаях противоречия соответствующих решений общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Часть IV ГК РФ выделила из статей, регламентирующих условия патентоспособности (ст. 1350–1352), в отдельную правовую норму положения, определяющие результаты интеллектуальной деятельности, которые не могут быть объектами патентных прав по причине их противоречия общественным интересам, принципам гуманности и морали (ч. 4 ст. 1349). При этом нужно учитывать, что указанные в п. 1–3 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ способы, как доказано было выше, фактически являются конкретизированными примерами результатов интеллектуальной деятельности, в отношении которых установлен запрет патентования по общим причинам, указанным в п. 4 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ.

Таким образом, в ч. IV ГК РФ фактически разделены непатентоспособные по своей правовой природе объекты и результаты интеллектуальной деятельности, которые хотя формально и соответствуют условиям патентования, но не могут быть объектом патентных прав по иным причинам, определенным законодательством.

Как отмечает В. В. Долинская, анализ норм права позволяет выделить две употребляемые законодателем формулировки: «не являются объектами» интеллектуальных прав и «не предоставляется правовая охрана» объектам. То есть различаются отказ в правовой квалификации блага как объекта и отказ в правовой охране

¹⁷ Виниченко Ю. В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3. С. 98–115.

блага, которое, может быть, при других условиях и было бы квалифицировано как объект¹⁸.

В работах многих российских правоведов до сих пор не делается данных различий, что может привести к путанице в правоприменительной практике.

Предлагается исходить из следующих критериев определения терминов «непатентоспособность» и «непатентуемость».

В российском гражданском законодательстве условия патентоспособности, например, изобретения, полезной модели и промышленного образца закреплены соответственно в ст. 1350, 1351 и 1352 ГК РФ. С учетом этого указанные результаты интеллектуальной деятельности, не соответствующие установленным перечисленным в данных правовых нормах условиям, являются «непатентоспособными».

К «непатентуемым» же предлагается отнести, например, изобретения, формально соответствующие установленным в ст. 1350 ГК РФ условиям (то есть формально являющиеся патентоспособными), но не подлежащие патентованию по иным основаниям, перечисленным в законодательстве, в частности в ч. 4 ст. 1349 ГК РФ.

К вопросу о необходимости установления исключений из объектов патентных прав и их изменения по мере развития науки

Нельзя забывать, что патент дает его держателю исключительное право запрета использования объекта патентной охраны (кроме случаев, перечисленных в законодательстве), но не дает автоматического права на обращение, например, лекарственных средств или медицинских изделий, в которых применяются соответствующие изобретения или иные запатентованные объекты. Впрочем, и наоборот, отсутствие патента

не является препятствием и не запрещает внедрение изобретений, если соблюдены требования законодательства к обращению, например, лекарственных препаратов или медицинских изделий.

В. Ю. Джермакян справедливо обращает внимание на ст. 4quater Парижской конвенции по охране промышленной собственности, согласно которой в выдаче патента не может быть отказано и патент не может быть признан недействительным только на основании того, что продажа продукта, запатентованного или изготовленного запатентованным способом, на основании национального законодательства подвергнута ограничениям или сокращениям¹⁹.

В пункте 2.2.4 Руководства по осуществлению административных процедур и действий предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата, утвержденного приказом Роспатента от 27.12.2018 № 236, указывается, что ссылка на какой-либо действующий нормативный правовой акт, предусматривающий ограничение или сокращение продажи продукта (устройства, вещества и т.д.), в котором может быть воплощен заявленный в качестве изобретения объект, не может служить основанием для признания заявленного объекта противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали. Исключение из этого правила составляют случаи, когда сам запрет введен ввиду противоречия устройства какому-либо из этих требований.

С. В. Зыков отмечает, что рассматриваемые нормы, закрепляющие запреты патентования, касаются не содержания исключительного права на использование, а оснований его возникновения²⁰.

Соответственно, патентное право не заменяет и слабо влияет на правовое регулирование обращения лекарственных средств, медицин-

¹⁸ Долинская В. В. Проблемы частноправовой квалификации и систематизации объектов интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 25–36.

¹⁹ Джермакян В. Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (постатейный). 4-е электрон. изд., перераб. и доп. СПС «КонсультантПлюс», 2014.

²⁰ Зыков С. В. Система имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 117–130.

ских изделий и иной продукции сферы здравоохранения.

Логичен вопрос: насколько целесообразно ограничивать в патентном праве регистрацию результатов интеллектуальной деятельности в сфере охраны здоровья, если эти ограничения слабо влияют на обращение и оборотоспособность продукции в данной сфере (конечно, кроме случаев признания товаров контрафактными)?

Здесь необходимо учитывать, что закрепление в п. 4 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ принципов непатентуемости соответствует общим принципам гражданского права, в частности указанным в ч. 2 ст. 1 ГК РФ, устанавливающей возможность ограничения федеральным законом гражданских прав в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В силу ч. 2 ст. 2 ГК РФ гражданским законодательством защищаются неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ. Согласно ч. 1 и 2 ст. 150 ГК РФ, к защищаемым данным кодексом и иными законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, относятся жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и иные нематериальные блага. Таким образом, предусмотренные в ч. 4 ст. 1349 ГК РФ ограничения патентоспособности призваны стать дополнительным препятствием для использования гражданских прав в нарушение основ нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц, в частности, общественных интересов и принципов гуманности и морали.

При этом в целях достижения оптимального компромисса между частными и общественными интересами, в первую очередь в столь социально значимой сфере, какой является здравоохранение, необходима конкретизация указанных интересов и принципов в законодательстве.

Отдельно необходимо учитывать требования ч. 4 ст. 1 ГК РФ, согласно которой никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения, а также ч. 1 ст. 10 ГК РФ, не допускающей, в частности, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Данные требования в полной мере распространяются и на патентообладателей.

С. А. Сеницын обращает внимание, что в зарубежных источниках можно встретить позицию, что законодателю следует избегать нормативных ограничений и запретов в патентовании, поскольку они являются контрпродуктивными с точки зрения экономической обоснованности. Однако это не имеет отношения к нравственным началам патентного права. Иное означало бы, что в патентном праве принципиально нет места морали и нравственности, а это опровергается опытом и содержанием патентных правоотношений²¹.

Сравнение положений ч. 4 ст. 1349 ГК РФ с запретами на осуществление деятельности, предусмотренными специальными законами, демонстрирует непосредственную связь:

— запрета на патентование способов клонирования человека (п. 1 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ) с временным запретом на клонирование человека, установленным Федеральным законом от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»;

— запрета на патентование использования человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях (п. 3 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ) с запретом на использование половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов человека для промышленных целей (ч. 6 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») и запретами на создание эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов и использования биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека или нарушения такого процесса (п. 4, 5 ст. 3 Федерального закона от

²¹ Сеницын С. А. Указ. соч. С. 353.

23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»).

Таким образом, *запрет на патентование в указанных случаях фактически представляет собой логичный запрет на узаконивание результатов запрещенной деятельности*. Соответственно, целесообразно дополнить закрепленный в п. 3 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ запрет на патентование использования человеческих эмбрионов иными объектами, перечисленными в приведенной выше норме специального законодательства.

В случае же указанного в п. 2 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ запрета на патентование способов модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека взаимосвязь со специальными видами законодательства неочевидна, что порождает неопределенность в применении данной правовой нормы на практике. Так, в решении от 15.06.2020 по делу № СИП-960/2019 Суду по интеллектуальным правам в отсутствие надлежащего правового регулирования в отечественном законодательстве в данной сфере пришлось основывать свои выводы на положениях международных и зарубежных соглашений, которые не обязательны в Российской Федерации и являются источниками «мягкого» права.

Выводы

С учетом вышеизложенного можно прийти к выводу, что недостаточно общего указания в законе на исключение из объектов патентных прав результатов интеллектуальной деятельности, противоречащих принципам гуманности и морали (в том числе принципам биоэтики), а

также общественным интересам (в том числе требованиям биобезопасности).

Данные положения в законе достаточно размыты и могут приводить на практике в ряде случаев к субъективным и весьма спорным выводам о противоречивости данным принципам и интересам, поэтому представляется целесообразным максимальная конкретизация в законодательстве частных случаев данного общего запрета.

При этом конкретизация данных частных случаев исключений из объектов патентных прав является закономерной при регламентации в отраслевом и специальном законодательстве запретов на осуществление определенной деятельности, результаты интеллектуальной деятельности в которой не могут быть узаконены в патентных правоотношениях.

Таким образом, исключения из объектов патентных прав в патентном законодательстве *не могут и не должны подменять собой нормы специального законодательства, посвященные регламентации запретов определенных видов деятельности и запретов манипуляций с определенными объектами, а могут рассматриваться только как дополнительный к данным запретам правовой инструмент недопущения злоупотребления правом*, в частности при осуществлении незаконной, аморальной, негуманной или неэтической деятельности.

Такое понимание взаимосвязи патентных и специальных правовых механизмов в рассматриваемой части может существенно облегчить правоприменительную практику по недопущению патентования результатов интеллектуальной деятельности в запрещенной деятельности специальным законодательством, в первую очередь в сфере охраны здоровья.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Биоэтика в развитии: нравственно-философский стержень и правовая поддержка : монография / отв. ред. В. М. Артемов, О. В. Рыбаков. — М. : Проспект, 2022. — 240 с.
2. Богданова Е. Е. Защита интересов граждан при конфликте их личных неимущественных прав // Журнал российского права. — 2013. — № 12. — С. 78–82.
3. Виниченко Ю. В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2014. — № 3. — С. 98–115.

4. Джермакян В. Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (постатейный). — 4-е электрон. изд., перераб. и доп. — СПС «КонсультантПлюс», 2014.
5. Долинская В. В. Проблемы частноправовой квалификации и систематизации объектов интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 5. — С. 25–36.
6. Зыков С. В. Система имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Российский юридический журнал. — 2020. — № 1. — С. 117–130.
7. Кравец И. А., Крылатова И. Ю., Болков М. А. Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 484.
8. Ксенофонтова Д. С. Правовые основы генной терапии: в поисках баланса интересов // Lex russica. — 2019. — № 6. — С. 143–152.
9. Нешатаева В. О. Международно-правовое регулирование биоэтики // Права человека и биомедицина. — 2017. — № 11. — С. 45–57.
10. Правовая охрана результатов генетических исследований как объектов интеллектуальных прав : монография / Л. А. Новоселова, А. С. Ворожечин, Е. В. Домовская [и др.]. — М. : Проспект, 2022. — 160 с.
11. Седова Н. Н. Правовой статус биоэтики в современной России // Медицинское право. — 2005. — № 1. — С. 12–14.
12. Сергеев Ю. Д., Мохов А. А. Биоэтика — нетрадиционный источник медицинского права // Медицинское право. — 2007. — № 2. — С. 3–9.
13. Сеницын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. — М. : Инфотропик Медиа, 2022. — 416 с.
14. Potter V. R. Bioethics: Bridge to the Future. — Englewood Cliffs (New Jersey) : Prentice-Hall, 1971.

Материал поступил в редакцию 13 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bioetika v razvitii: нравственно-философский стержень и правовая поддержка: монография / отв. ред. В. М. Артемов, О. В. Рыбаков. — М.: Проспект, 2022. — 240 с.
2. Bogdanova E. E. Zashchita interesov grazhdan pri konflikte ikh lichnykh neimushchestvennykh prav // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2013. — № 12. — S. 78–82.
3. Vinichenko Yu. V. Razumnost i spravedlivost kak printsipy grazhdanskogo prava i nachala funktsionirovaniya sistemy grazhdanskogo oborota // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2014. — № 3. — S. 98–115.
4. Dzhermakyan V. Yu. Kommentariy k glave 72 «Patentnoe pravo» Grazhdanskogo kodeksa RF (postateyny). — 4-e elektron. izd., pererab. i dop. — SPS «KonsultantPlyus», 2014.
5. Dolinskaya V. V. Problemy chastnopravovoy kvalifikatsii i sistematzatsii obektov intellektualnykh prav // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2021. — № 5. — S. 25–36.
6. Zykov S. V. Sistema imushchestvennykh prav na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 1. — S. 117–130.
7. Kravets I. A., Krylatova I. Yu., Bolkov M. A. Aktualnye problemy realizatsii sovremennykh printsipov bioetiki i dokazatel'noy meditsiny: pravovye, eticheskie i meditsinskie aspekty // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 484.
8. Ksenofontova D. S. Pravovye osnovy gennoy terapii: v poiskakh balansa interesov // Lex russica. — 2019. — № 6. — S. 143–152.
9. Neshataeva V. O. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie bioetiki // Prava cheloveka i biomeditsina. — 2017. — № 11. — S. 45–57.

10. Pravovaya okhrana rezultatov geneticheskikh issledovaniy kak obektov intellektualnykh prav: monografiya / L. A. Novoselova, A. S. Vorozhevich, E. V. Domovskaya [i dr.]. — M.: Prospekt, 2022. — 160 s.
11. Sedova N. N. Pravovoy status bioetiki v sovremennoy Rossii // Meditsinskoe pravo. — 2005. — № 1. — S. 12–14.
12. Sergeev Yu. D., Mokhov A. A. Bioetika — netraditsionnyy istochnik meditsinskogo prava // Meditsinskoe pravo. — 2007. — № 2. — S. 3–9.
13. Sinitsyn S. A. Sravnitelnoe patentnoe pravo: aktualnye problemy. — M.: Infotropik Media, 2022. — 416 s.
14. Potter V. R. Bioethics: Bridge to the Future. — Englewood Cliffs (New Jersey): Prentice-Hall, 1971.